

*Мамар
Мемизка*

Желюичная жизнь

Мария Метлицкая

Нелогичная жизнь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22026845

Обычная женщина, обычный мужчина : [сборник] / Мария Метлицкая:

Э; Москва; 2016

Аннотация

Всем известно: не родись красивой, а родись счастливой. И в этом-то и есть главная нелогичность жизни.

Три женщины, о которых пойдет речь, совсем нехороши собой, вовсе не идеальные хозяйки. Но их женские судьбы, вопреки логике – счастливые.

В чем секрет? Что они знают такого, что недоступно сказочным красавицам?

Или нет секрета – просто жизнь балует тех, кого хочет, а не тех, кто этого заслуживает?

Мария Метлицкая

Нелогичная жизнь

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Как там принято считать? По заслугам, по заслугам – а как же иначе? Умным и красивым – счастье. Добрым, сердечным, заботливым, хозяйственным, рукодельным – тоже.

Ничего подобного! Вот никакой логики! То есть – абсолютно.

Сколько мелькало перед глазами на долгом жизненном пути примеров! Вот эта – красавица, боже ж мой! Ну просто глаз не отвести! Ни на что создатель не поспешил, да и родители от души постарались. А умница какая! И книжки читает, и в живописи с музыкой разбирается! А вяжет, а шьет! И в доме такой уют! А какой вкус! Просто из ничего конфетку сделает! А разносолы! Про ее столы ходят легенды! А какая трепетная мать! И результат – детки чудные! Загляденье просто, а не детки. Все логично – у нее, у этой трудяги и умницы, просто не может быть по-другому, если вообще есть в жизни справедливость!

И вот у нее, у этой трудяги, умницы, верной и преданной

жены и матери, нет счастья. Например – муж гуляет, да еще и внаглую, или денег не носит. А она бьется, как на Ледовом побоище, чтобы «у всех все было». И у детей, и у этого...

Или вообще ужас, потому что пьет. И как она с этим ни борется, все впустую.

Вот тогда понимаешь – нет в жизни справедливости!

Очень обидно становится от всей этой алогичности.

И, как говорится, наоборот – зеркальное, так сказать, отражение ситуации.

Вот есть женщина: слова доброго не скажешь, при всем желании.

Не красавица, мягко говоря, неопрятна, неумна, необразованна. Хозяйка нулевая. Бывает – нет способностей. Но ты хотя бы постарайся! Не надо многослойных тортов, сложных рулетов, тончайших блинов и банок с солеными помидорами и грибами. Есть же блюда простые, но вкусные. И книги кулинарные есть – всегда были.

Но – не хочет. Готовить не хочет даже для самых близких и любимых. И полы вымыть не хочет, и красивые шторы повесить. И накраситься, и похудеть неохота, и брови выщипать, и надеть новый халат – взамен старого и дырявого.

И книжки читать, в театры ходить лень – сериалы доступней. И гостей созывать хлопотно.

Ей даже путешествовать неохота.

И, кроме всех вышеперечисленных «достоинств», она еще и сплетница, злоязыкая, недобрая к людям. Завистливая.

Жадноватая. Равнодушная к чужой беде. Плачет только во время бразильских сериалов. Одним словом, совсем неважный человек. Дети ее раздражают. Подруги и соседки – тоже. Свекровь... Ту вообще глаза бы ее не видели.

И у такой женщины – прекрасный, любящий, заботливый муж. Щедрый и непритязательный. А как бы иначе он смог с ней жить, спрашивается?

Или давно со всем смирился? Или? Просто любит?

Ох, нелогичная жизнь! Нелогичная.

* * *

Нет, здесь было все не так криминально. Неважных людей точно не было. А вот все остальное, увы, имелось.

Три женщины, о которых пойдет речь, были очень некрасивы... Ну, просто пугающе нехороши – так, что при встрече хотелось отвести глаза. И еще задать вопрос: ну почему? Почему так несправедливо, так жестоко обошлась с ними природа?

Конечно, они не виноваты! Разумеется. И все же... Был бы у них «изюм» какой-то. Не горсть – так, пара ягод. Обаяние хотя бы. Или какая-нибудь другая особенность: остроумие, тяга к знаниям, увлечение или хобби, рассудительность, женская премудрость, пылкое сердце.

Нет. Ничего этого не было. Все три, как на подбор, скучны, вялы, однобоки и пресны.

А еще все как из одного ларца – просто хромосомное извращение.

Бабка, мать и внучка. Аннета Ивановна, Изольда Александровна и Софья Вячеславовна.

Серые мыши, белые моли – что там еще?

Правда, дружны, ничего не скажешь. Прогуливаются «на променаде» рядом. В основном – молчат. Говорить не о чем. Книг не обсуждают – не читают. В кино не ходят, политикой не интересуются. Субботние ужины, когда собирается вся семья, не обсуждаются тоже...

Не оттого, что возвышенны, а оттого, что плохие хозяйки.

Моя бабушка их передразнивала: «Картошку сварим. Или макароны – с ними меньше хлопот. И откроем консерву. А чайк попьем с печеньем».

И это в самые яблочные годы, когда со всех участков разносились сладкие запахи яблочных пирогов, варенья и компотов.

А они яблук даже не собирали. Приходила деревенская молочница Дуся и уносила их ведрами – на радость своим кабанчикам.

В доме этих трех женщин (кстати, добротном и просторном) было «как в казарме» – тоже слова моей бабули: ни скатерки, ни покрывала, ни вазочки, самой простенькой, керамической, из местного сельпо, хотя бы с полевыми цветами.

Даже посуда у них была скучной – казенной, что ли. Как в дешевой столовке.

Соседки разводили георгины и розы, пускали по сетке разноцветный клематис, варили повидло из слив, закатывали банки с соленьями. Сушили на зиму мяту и зверобой – над печкой на нитке сладко пахли сухие грибы.

Нет. Ничего этого на восьмом участке, где проживали наши героини, не было. А что было? Сложно сказать.

Но зато эти три женщины – бабушка, дочь и внучка, эти три «красавицы и хозяйюшки», – были абсолютно счастливы в браках. Правда, и в их жизни однажды случилась некая проблема... По части мужской верности... Но – так, мимолетно. Все пережили. А в целом...

* * *

Впрочем, как соседи они были просто замечательны. Наши заборы граничили друг с другом. Редкий штакетник, сквозь который, как на ладони, была представлена вся соседская жизнь. Что-то вроде коммунальной квартиры.

Все знали, когда и кто выходит в огород, кто подрезает кустарники и стрижет траву, кто собирает смородину и крыжовник, кто развешивает свежевystиранное белье и насколько хорошо оно выстирано. Кто и какой варит суп – от запахов никуда не денешься. Кто печет пирог. Кто и с кем скандалит и выясняет отношения. Как много сумок привезли молодые на выходные старикам и детям. Кто из бездельников валяется в гамаке или загорает на травке. К таким от-

ношение было, мягко говоря... Ну, это понятно. Когда женщины разрываются между внуками, готовкой и посадками, что, кроме презрения и зависти, могут вызвать праздноша-тающиеся?

Бабушка моя, не сидевшая ни минуты без дела – обед, штопка, стирка, уборка, цветы и морковь, – бросала на соседний участок редкий взгляд. Брови ее сходились к переносице, и губы складывались в «бутон».

Она качала головой и громко вздыхала. От зависти или осуждения? Не думаю, что от первого. Она просто не могла усидеть без дела. Если присаживалась, то на пару минут, и сидела как-то беспокойно, ерзая и теребя бретельку старого, в горошек, фартука. Посидит, встанет и скажет виновато:

– Не сидится как-то!

А тем временем... Тем временем на восьмом участке по-прежнему ничего не происходило! Так, какое-то вялое перемещение, почти незаметное глазу. То Аннета – без отчества, так короче, – та, что бабка и мать, присаживалась в гамак, лениво обмахиваясь пожелтевшей газетой, то Изольда – Доля, – ее дочь, плюхалась в соломенное кресло и равнодушно оглядывала заросший бурьяном участок. То Софья – дочь и внучка – заторможенно полоскала в эмалированном тазу чашки от завтрака. А потом и она присаживалась. Например, на колченогий стул у крыльца. И засохшим лаком пыталась

накрасить короткие неухоженные ногти.

Они негромко и довольно редко перебрасывались какими-то незначительными фразами.

– А не подшить ли мне голубой сарафан? – спрашивала Софья у Изольды.

Та кивала:

– Да, подшей.

Бабка Аннета похрапывала в гамаке.

– А может, поменять на нем пуговицы? – продолжала, позевывая, Софья.

– Поменяй! – кивала мать.

– А если сварить зеленые щи? – вдруг осеняло Изольду.

– Свари, – соглашалась дочь. – Хорошо бы! Со сметаной и яйцом!

– И еще – охладить! – Изольда мечтательно прикрывала глаза.

И все оставались на своих местах. Теперь уже подремывала и Изольда, Аннета внушительно похрапывала, а Софья зевала и рассматривала свеженакрашенные куцые ногти.

Потом, словно очнувшись, Изольда снова вступала в разговор:

– Покосить бы! А то по пояс уже!

Дочь вздыхала:

– Позвать надо Федьку-пьяницу.

Мать тоже вздыхала и произносила с нескрываемым огорчением:

– И коса тупая. Совсем.

– Поточит! – успокаивала ее дочь.

И все опять замолкали. Потом, словно очнувшись, воскресла бабуля.

Приходило время обеда. Изольда тяжело поднималась со стула и задавала один вопрос:

– Гречка или лапша?

Софья кривила губы:

– Надоело. Давай картошечку отварим.

Изольда скрывалась в доме. Минут через пять раздавался ее голос:

– Картошка пропала. Одна гниль. Сходи на станцию!

– Тогда – макароны, – обрывала дискуссию дочь.

– А хлеб черный есть? – оживала бабка. – Свеженького хочется, с маслом.

– Черный тебе вредно, – назидательно говорила внучка. – У тебя колит. А про масло я вообще не говорю! И свежий завозят с утра. Теперь наверняка расхватали.

Аннета смиренно замолкала.

После обеда они «отдыхали». Это святое. От чего, спрашивается?

Бабка опять ныряла в гамак. Бог с ней, со старухой. Хотя моя бабушка моложе была ненамного...

Изольда укладывалась на раскладушке под яблоней – со старым журналом. Шарила рукой по траве и выуживала пару-тройку побитых, вялых яблок – обтирала их об халат и

принималась грызть. А Софья плелась в мансарду – там хоть и душно, зато тишина.

К пяти стекались опять. Долго пили чай, смотрели вечерние ток-шоу и наконец отправлялись «променадиться», как говорила моя бабушка.

Вот ей-то было не до этого – определено.

И шли они, наши «красавицы», по песчаным дорожкам, обмахивались веточками от комаров и прочей нечисти, перебрасываясь редкими фразами. Видимо, совсем незначительными, судя по отсутствию эмоций на лицах. Раскланивались с соседями – вполне доброжелательно, что есть, то есть. И даже любовались богатыми палисадниками, с большим, надо сказать, удивлением.

Так они и прогуливались неспешно – три абсолютно нелепые и некрасивые женщины, похожие между собой так, словно их сорвали с одного обветшалого, непородистого сорнякового куста: тонконогие, широкоспинные, длиннорукие, безгрудые. Со стертыми, равнодушными лицами и бедными волосами, забранными в одинаковые старческие пучки.

С трудом верилось, что у трех этих женщин были образованные, успешные мужья. А еще – красивые, очень.

И что самое главное – любящие и заботливые.

* * *

– Боже! – пафосно восклицала Милка, моя красавица тет-

ка, родная сестра мамы, заехавшая к нам на выходные после очередной неудачной попытки устроить свою личную жизнь. – Ну где справедливость? – Она бросала на себя в зеркало мимолетный, очень довольный взгляд и кивала на соседний участок, наблюдая тамошнюю жизнь. – Чтобы «этим»! И – так!

Бабушка поднимала глаза и жестко пресекала Милкин пафос:

– Мозги надо иметь! А у тебя вместо них – жопа. Правда, красивая, сказать нечего. – Она принималась ожесточенно крошить свеклу на винегрет.

Моя легкомысленная тетушка весело хохотала, поворачивалась к зеркалу спиной и радостно хлопала себя по совершенно идеальным бедрам.

Потом она хватала яблоко и прыгала в кресло.

Бабушка крутила пальцем у виска и многозначительно смотрела на меня.

Тетку я любила, восхищалась ее легкостью, оптимизмом, веселым нравом и – увы – полной безответственностью. За мужем она была три раза, и «все по любви», как говорила бабушка почему-то с явным осуждением.

– Разве по любви – это плохо? – удивлялась я.

– В третий раз – плохо! – уверенно отвечала бабушка. – И самое главное – на этом все не закончится!

Она, как всегда, была права. Но речь сейчас, в данный момент, не о моей шалопутной красавице тетке.

Речь о наших героинях, о тех, кто на соседнем участке.

* * *

Аннетка – так называла ее моя бабуля – происходила из приличной семьи земского доктора и акушерки. Жили небогато, но и не бедствовали. Только грустила Аннеткина мать, глядя на свою некрасивую дочь: «Ну почему в отца? Почему? Нет, он замечательный человек – душевный. Прекрасный доктор. Да, нехорош собою, но что это значит для мужчины? Ровным счетом – ничего. А вот для девицы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.